

На третий день после возвращения Ашины Бисо в Священный город королевский дворец опубликовал объявление о том, что в начале следующего месяца состоится грандиозный фестиваль Синсян*, и Тунмо Луоцзя также появится на пудже.

В связи с предстоящим фестивалем, который состоится после заключения союза с Северным Жун горожане были в восторге. Еще до восхода солнца во дворце и в домах обычных людей начались подготовки к церемонии: мели дворы, устанавливали завесы, все стало особенно шумным и оживленным.

Молодой монах, обучавший Ли Йоинь санскриту, рассказал ей, что каждый год в Священном городе бывает так многолюдно, что людей часто затапывают насмерть.

- Наблюдение за церемонией способствует искуплению грехов и приносит благословение. Принцесса также может принять участие в церемонии, это будет намного эффективнее, чем обычная молитва! - сказал монах.

Ли Йоинь вспомнила прошлогоднюю церемонию рождения Будды во дворце Тайцзи, и ей было неинтересно.

Глаза юного монаха горели страстью:

- В день фестиваля Синсян Сын Будды вернется в храм, чтобы проповедовать и провести диспуты с выдающимися монахами из Цюци, Гаочана и Шулэ. Это событие, которое происходит раз в столетие! Я уже договорился с братом-монахом, чтобы он занял мне хорошее место!

Ли Йоинь выглядела удивленной:

- Сын Будды собирается учить Дхарме?

Ашина Бисо привез муравьиную траву, смягчив страдания Тунмо Луоцзя, но прошло всего три дня! В короткий срок, когда он едва отошел от смерти, ему предстоит готовиться к диспуту с выдающимися монахами, что не только проверит его физическую выносливость, но и интеллект. Все монахи Западных регионов были мастерами софистики и аргументации. Сможет ли он справиться с этим?

Монах кивнул, глядя на Ли Йоинь:

- Принцесса, вы, наверное, тоже хотите посмотреть, как Сын Будды обсуждает священные писания?

Уголки рта Ли Йоинь слегка дернулись. Если не на санскрите, то Тунмо Луоцзя и старшие монахи будут обсуждать священные писания на языке Ху. Она не понимала ни слова ни из

того, ни из другого, поэтому, конечно, не хотела идти. Она была просто поражена настойчивостью Тунмо Луоцзя.

Шум вокруг этого прошел незаметно для жителей Королевского двора. Полные ожидания предстоящего события, и они никогда не узнают, что их король едва избежал смерти, страдая и стойко перенося каждое мгновение.

Она выглядела такой эмоциональной, что монах посмотрел на нее несколько раз, и его глаза расширились: принцесса из Центральных равнин действительно влюблена в Сына Будды, только одно слово о нем заставило ее погрузиться в размышления.

Той ночью по дворцу поползли слухи, что Ли Яоинь не могла есть и пить из-за Тунмо Луоцзя и умывалась слезами.

Ли Яоинь не обратила внимания на эти слухи, а услышав от Мондатыпы, что солдаты Центральной армии вернули ее приданое, она привела своих личных солдат, чтобы встретить их.

Ашина Бисо принес муравьиную траву прямо во дворец, а остальные повозки, груженные шелками и тканями, книгами и рукописями, буддийскими статуями и драгоценностями, прибыли в Священный город четыре дня спустя. За транспортировку отвечал Божа.

Он вручил свиток Ли Яоинь и сказал, похлопав себя по груди:

- Я прошу принцессу проверить вещи в соответствии со свитком. За исключением муравьиной травы, все остальное здесь.

Ли Яоинь поблагодарила его и, не сверяясь со списком, сразу попросила солдат отвезти повозки в сокровищницу королевского дворца.

Завершив передачу, Божа тут же вернулся во дворец. Когда она увидел, что состояние Тунмо Луоцзя действительно улучшилось, он начал молиться Будде.

На следующий день слухи дошли до его ушей. Божа был опять в ярости и беспокойстве. Он нашел Ли Яоинь и указал на нее пальцем, дрожа всем телом.

Ли Яоинь с недоумением спросила:

- Что-то не так с Сыном Будды?

Муравьиная трава была очень ядовитой. Она могла спасти жизни, но ее чрезмерное употребление также могло быть вредным. Ее пилюля стоила так дорого из-за использования

множества трав для смягчения токсичности муравьиной травы.

Изучив выражение Ли Яоинь, Божа вдруг заметил, что она не походит на лгунью. Он вспомнил приказ Тунмо Луоцзя и проглотил упрек, который давно зрел в его сердце.

Ну ладно, эта принцесса, хоть и бесстыжая, но искренне восхищается величием короля. Если бы не ее приданое, как король смог бы спастись?

Божа строго сказал:

- Королю намного лучше.

Ли Яоинь в замешательстве издала «о» и сказала:

- Небеса благоволят достойным.

Божа пристально посмотрел на нее:

- Я слышал, другие говорили, что вы каждый день пристаёте к монахам, спрашивая о состоянии короля.... Вам не следует ходить вокруг да около и расспрашивать о короле. Это плохо для его репутации, если об этом узнают. Приходите и спрашивайте меня, если в будущем у вас возникнут вопросы!

Ли Яоинь на мгновение потеряла дар речи: когда это она расспрашивала о Тунмо Луоцзя? Весь дворец поклонялся Тунмо Луоцзя, и почти все, о чем все говорили, касалось Сына Будды, поэтому она никогда намеренно не задавала вопросов.

Но Божа был уверен, что Ли Яоинь намеренно замышляла сблизиться с Тунмо Луоцзя, и предупредил ее:

- Не пытайтесь воспользоваться ситуацией, чтобы сблизиться с королем. Лекарство, которое вы принесли, спасло короля, и король благодарен вам, но вы его не тронете!

Как только последние слова слетели с его губ, фигура Юань Цзюэ появилась перед дверью во внутренний двор.

- Принцесса, король ждет вас в главном зале, - сказал он.

Божа был ошарашен. Ли Яоинь развела руками, глядя на него:

- Это король пригласил меня.

Божа молча отвернулся, не произнеся ни слова.

Ли Яоинь прошла мимо него, следуя за Юань Цзюэ к главному залу.

Когда они проходили через передний двор, в тихом дверном проеме вспыхнула золотая дуга света. Пятнистый леопард бесшумно спрыгнул со стены, подняв лапы, чтобы вцепиться в виноградные лозы, обвивавшие ступени.

Юань Цзюэ остановился как вкопанный, жестом призывая Ли Яоинь не паниковать.

В эти дни Ли Яоинь часто видела этого дикого леопарда и уже перестала его бояться. Она отвела взгляд и замерла. Леопард прищурил глаза, перепрыгнул на веранду, опустив хвост, и внезапно направился к Ли Яоинь.

Лицо Юань Цзюэ немного изменилось.

- Али!

Раздался голос с оттенком смеха, и светловолосый голубоглазый генерал Центральной армии быстрым шагом вышел из внутреннего зала. Он встал перед Ли Яоинь и погрозил леопарду пальцем:

- Не пугай принцессу Вэньчжао!

Леопард взглянул на него, словно выражая презрение, и повернулся, лениво устроившись в тени вьющейся лозы, чтобы вздремнуть.

Ашина Бисо обернулся и улыбнулся Ли Яоинь:

- Принцесса, он ведь не напугал вас, правда?

Ли Яоинь посмотрела в его бирюзовые глаза и покачала головой.

Мать Ашины Бисо была тюркской принцессой, а отец - дворянином Королевского двора. У него была высокая прямая фигура и красивое лицо. При беглом взгляде в тот день ей показалось, что черты его лица чем-то похожи на Тунмо Луоцзя, но теперь, когда она присмотрелась, оказалось, что они не похожи, только зрачки схожи по цвету.

Ашина Бисо улыбнулся, его улыбка была такой же яркой и блестящей, как золотой свет за пределами коридора. Он был явно ветреным и странствующим человеком, но тон его голоса был настолько искренним, что казался почти наивным:

- Если бы не муравьиная трава принцессы, королю было бы трудно избежать этого бедствия. Принцесса - ценный гость Королевского двора. Если Сюэ Ян посмеет обидеть принцессу в будущем, принцессе не нужно бояться, она может просто послать кого-то доложить мне.

Ли Яоинь поблагодарила его и вошла во внутренний зал.

Ашина Бисо постоял на веранде, глядя ей в спину и погрузившись на некоторое время в раздумья. Почесав затылок, он покачал головой и рассмеялся, продолжив свою стражу.

Внутренний зал был пуст и немногочислен. Из зала были удалены все золотые статуи будды и подставки для благовоний, лишь слабый аромат наполнял воздух. Там, на шерстяных одеялах, сидел Тунмо Луоцзя в белой каске с золотым узором. Рядом с ним была нить молитвенных бус, и он выглядел ясным и свежим.

Двое слуг встали на колени и поднесли ему травяной отвар. Он выпил его одним махом. Движения были быстрыми, но грациозными. Слуги ушли, унося с собой пустую посуду.

Взгляд Ли Яоинь упал на лицо Тунмо Луоцзя. Цвет его лица выглядел намного лучше, напоминая холодную луну, глаза были ясными. Возможно, из-за того, что он был слишком спокойным, по его внешнему виду было трудно сказать, что он страдает от болезни.

Тунмо Луоцзя поднял глаза, пригласив Ли Яоинь сесть. Обычно она была ленивой, но, глядя на этого достопочтенного Будду перед собой, она бессознательно выпрямила спину и села дисциплинированно.

- Принцесса, почему вы не отправились в Тяньчжу? - его голос был спокойным, но из-за этой бесстрастной и лишенной желаний прямолинейности в нем чувствовалось какое-то слабое давление.

Ли Яоинь ответила вопросом:

- Почему вы послали принца-регента Судан Гу в Гаочан?

Тунмо Луоцзя молчал.

Ли Яоинь тихо спросила:

- Достопочтенный хочет заключить союз с Гаочаном?

Взгляд Тунмо Луоцзя упал на нее.

Они долго смотрели друг на друга. Наконец Ли Яоинь медленно сказала:

- Владыка Гаочана и большинство знати - это потомки Хэси, ханьцы. Гаочан следует обычаям Центральных равнин: там процветает конфуцианство, этикет и обычаи такие же, как на Центральных равнинах. Королевский двор ненавидит ханьцев, поэтому вы послали принца-регента тайно, чтобы выяснить мнение короля Гаочана.

Судан Гу отправился в Гаочан один, видимо, имея при себе секретный приказ. В это время Северный Жун вторгся в пределы Королевского двора, и Ли Яоинь предположила, что Тунмо Луоцзя мог знать, что его время на исходе, и хотел оставить Королевскому двору выход, поэтому он попросил Судан Гу отправиться в Гаочан, чтобы попросить помощи.

Выражение Тунмо Луоцзя подтвердило догадки Ли Яоинь.

Ее слова приняли другой оборот:

- Я предполагаю, что Гаочан отверг регента.

Тунмо Луоцзя молчал, и в его глубоких бирюзовых глазах промелькнули слабые эмоции.

Ли Яоинь встретила с ним взглядом и сказала:

- Как маленькая страна с небольшим населением, Гаочан стремится извлекать выгоду из обеих сторон, подчиняясь каждой могущественной империи в обмен на выживание. Теперь, когда Северный Жун силен, Гаочан подчиняется Северному Жун. Хотя Королевский двор процветает, в конечном счете, ваша военная мощь ограничена. Гаочан не рискнет оскорбить Северный Жун, вступая в союз с Королевским двором.

Гаочан простирается на восток до Центральных равнин, на запад до Западных регионов, с Великим Шелковым путем на юге и со степями на севере. Дороги переплетаются, разные племена живут вместе, и его географическое положение определило, что его можно атаковать, но не защитить.

С древних времен этот оазис на пути Шелкового пути борется за выживание в тисках различных политических режимов и сил.

Во времена сильной империи Центральных равнин в Гаочане был учрежден провинциальный город с войсками для охраны, но позже Центральные равнины погрузились в хаос, и у них не было времени на запад. Западные регионы также были охвачены беспорядками. Гаочан и другие небольшие государства Западного региона не могли связаться с Центральными равнинами, и у них не было другого выбора, кроме как разойтись в разные стороны.

Ли Яоинь уже наводила справки, что нынешний правитель Гаочана - Вэйчи, потомок знатного

рода из Лунси. Гаочан подчинился Северному Жун, и два года назад Вэйчи, правитель Гаочана, взял в жены племянницу великого хана Вахана.

Она посмотрела на Тунмо Луоцзя и улыбнулась, прежде чем начать отвечать на его предыдущий вопрос:

- Достопочтенный, я осталась при Королевском дворе, чтобы отправиться послом в Гаочан от имени Королевского двора.

Она не знала, какие благовония горели в зале, их слабый аромат клубился и плыл по воздуху. Тунмо Луоцзя посмотрел на Ли Яоинь, его глаза были глубокими и слегка пустыми.

Ли Яоинь была серьезна:

- Гаочан был когда-то провинцией Центральных равнин, и даже сейчас правители и аристократы все еще хранят Центральные равнины в своих сердцах. Я — принцесса Великого Вэй, и мой визит в Гаочан имеет больше шансов на успех, чем визит принца-регента.

Гаочан не хочет оскорбить Северный Жун, но они также не намерены подчиняться. Правители Гаочана всегда надеялись восстановить связь с династией Центральных равнин. Она была принцессой Великого Вэй, и если бы ее отправили в Гаочан, на этот раз правитель Гаочана мог бы рассмотреть предложение Тунмо Луоцзя.

Ли Яоинь сделала паузу и продолжила:

- Может быть, я не смогу убедить правителя Гаочана, но по крайней мере Гаочан не станет врагом Королевского двора. Прямо сейчас, от Ляохая на востоке, на западе до Западного моря, на юге до Хелуна и на севере до Северного моря, все подчиняются Северному Жун. Силы Королевского двора недостаточны для сопротивления Северу, и независимо от ответа Гаочана, Великий Вэй готов объединиться с Королевским двором, чтобы вместе противостоять Северному Жун.

Тунмо Луоцзя смотрел на Ли Яоинь очень долго.

Голос молодой девушки был нежным и мелодичным, а тон спокойным, как будто она совершенно не осознавала веса своих слов.

От востока до запада, Великий Вэй, Королевский двор, Гаочан... и еще много маленьких стран, желающих вернуться на восток. Если этот союз реализуется, изменится не только судьба Королевского двора, не только облик Западных регионов, но и весь мир.

Тунмо Луоцзя вспомнил год, когда ему было тринадцать, желтый песок, который бешено катился по небу, когда кавалерия Северного Жун атаковала Священный город. В тот момент

он, будучи еще ребенком, повторяя про себя Священное Писание, повел войска Центральной армии навстречу сотрясающей землю вражеской армии, которая надвигалась подобно наводнению.

С того момента ему предстояло нести бремя этой страны до самой смерти.

Он — преданный буддист, монарх, но перед ним — всего лишь хрупкая красивая девушка, блуждающая по чужбине с неясным будущим.

Тунмо Луоцзя коснулся четок в своей руке и тихо спросил:

- Почему принцесса хочет вступить в союз с Королевским двором?

Уголки губ Ли Яоинь слегка приподнялись. Ее взгляд остановился на Тунмо Луоцзя, она улыбнулась и сказала:

- Из-за вас.

Тунмо Луоцзя был ошеломлен.

ПП: Я не уверена, что это опечатка автора (поскольку 象 напоминает 象, что означает слон). Я говорю это потому, что если бы это было 象, то это буквально переводилось бы как «фестиваль гуляющих слонов», а главным событием этого фестиваля является слон. Однако это также можно перевести как фестиваль статуй, и буддийские статуи также являются важной частью этого фестиваля.

От автора: Судя по комментариям к предыдущей главе, все сосредоточились на моем описании ландшафта, но мысли и менталитет Ли Яоинь очень важны. В эти дни она была при Королевском дворе, и то, что она увидела, услышала и подумала, шок - все это усилило ее благоприятное впечатление о Тунмо Луоцзя (на данный момент это добрые чувства, а не любовь мужчины и женщины).

Когда ее личные солдаты увидели этих беспринципных дворян, они подумали: земля за пределами их империи действительно была не очень просвещенной и не очень заботилась о праведности и верности.

В то время как Ли Яоинь думала: Тунмо Луоцзя пришлось пережить так много, и ему все еще приходилось иметь дело с этой группой людей, как это утомительно.

Когда солдаты увидели столицу, их мысли были такими: Ух ты, это место такое процветающее, здесь так много людей!

Мыслями Ли Яоинь были: это стабильность и процветание, за которые Тунмо Луоцзя отдал свою жизнь.

То, что она увидела, не было пейзажем Священного города; то, что развернулось перед ней, было одинокой жизнью Тунмо Луоцзя.

<http://tl.rulate.ru/book/72517/3498536>